

Дмитрий ЛАНКО

АГРАРНЫЙ ВОПРОС И ФИНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО

С самого дна, от самых основ

Намедни исполнилось тридцать пять лет с тех пор, как, пожалуй, величайший финский режиссер всех времен Аки Каурисмяки снял фильм «Ленинградские ковбои едут в Америку». Кто не смотрел — это комедия о путешествии деревенской панк-кантри-рок-группы через всю Америку по воспетому «Дип Перпл» шоссе 66 к своему успеху, весьма, впрочем, относительному. Интересны, однако, первые семь минут фильма, где рассказывается, откуда эта группа вышла. Режиссер обозначил это место как «где-то в тундре, в безлюдном месте». Фанаты фильма до сих пор спорят, предназначено ли это уточнение «в безлюдном месте» для тех зрителей, кто не знает, что такое тундра, или же Каурисмяки имеет в виду, что в тундре бывают и людные места.

Также фанаты спорят, в какой стране это происходит. Одни говорят, что это — Россия; вернее, тогда еще Советский Союз. В самом деле, менеджера группы зовут Владимир, ее местного поклонника, увязывающегося в путешествие вместе с группой против их воли, — Игорь, а в первой же сцене фильма музыканты вдохновенно исполняют «Полюшко-поле». К тому же не надо забывать, что фильм снят в разгар перестройки, когда уже не только советские граждане любыми средствами стремились достать пластинки и кассеты с музыкой западных исполнителей, но и на Запад потихоньку начали проникать записи новых советских музыкантов, например, тех, кто входил в Ленинградский рок-клуб. Может, именно поэтому ковбои — ленинградские?

Другие, однако, говорят, что действие в начале фильма происходит в Финляндии. Во всяком случае, снято это было в финской деревне. Просто Каурисмяки изначально предполагал, что его фильм будет более популярен за границей, чем в самой Финляндии — так оно и на самом деле случилось, — и стремился защитить репутацию родной страны за рубежом. Для большинства финнов репутация родной страны — важнейшая ценность. В Советском Союзе был анекдот про то, как ученые из разных стран пишут книги о слонах. Британские ученые в том анекдоте пишут книгу о слонах и империи, французские — о любви у слонов, американские — о том, как продать двух слонов по цене трех, немецкие — двенадцатитомное «Краткое введение в слоноведение».

Дмитрий Александрович Ланко — кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, автор книги «Процессы глобализации, регионализации и локализации вокруг Балтийского моря». Живет в Санкт-Петербурге.

Советские ученые в том анекдоте в итоге написали книгу «Россия — родина слонов». У финнов тоже есть похожий анекдот, только заканчивается он тем, как финские ученые пишут книгу «Что слоны думают о Финляндии?». Вот и Каурисмяки, то ли посмеиваясь над традиционным стремлением финнов скрывать от иностранцев непрезентабельные стороны жизни в своей стране, то ли не желая, чтобы соотечественники обиделись на него за то, что он показал всему миру финскую деревенскую глубинку без прикрас, снабдил фильм намеками, позволяющими финскому зрителю поместить действие в Россию и успокоиться. Справедливо полагая, что русские зрители, обожающие вздыхать о трудностях своей жизни, и так не обидятся.

А возможно, Каурисмяки в этом месте посмеивался над бытовавшим в те годы на Западе стереотипом, что Финляндия, мол, расположенная на границе с Россией, очень на нее похожа. Примерно в это же время — в 1990 году — финский писатель Арто Паасилинна опубликовал сатирическую повесть «Очаровательное массовое самоубийство», главные герои которой хотят, но не решаются свести счеты с жизнью, а потому ищут помощи от других таких же, как они, находя в итоге поддержку, чтобы жить дальше. Один из ее героев скрывается от закона, поскольку украл деньги у американской киностудии, приехавшей снимать фильм о сталинских лагерях в Финляндию, очень похожую, по мнению продюсеров студии, на Россию. Над этим смеется Паасилинна, и наверняка посмеялся Каурисмяки, когда читал его книгу.

Финляндия и вправду похожа на Россию. В Финляндии тоже холодно, поэтому кукуруза там растет плохо, а большие счета за отопление снижают прибыльность любой экономической деятельности по сравнению с более теплыми странами. Финляндия — огромная страна, по размеру лишь ненамного уступающая Германии, однако в Германии живет в семнадцать раз больше людей. Поэтому в Германии можно построить пятидесятикилометровую дорогу на налоги, собираемые с двухсот тысяч человек, в то время как в Финляндии приходится строить двухсоткилометровую дорогу на налоги, собираемые с пятидесяти тысяч человек. Многим вообще непонятно, как финны умудряются асфальтировать дороги в безлюдной глуши, в то время как в Канаде, например, в таких случаях обходятся грунтовыми дорожками.

Наконец, в Финляндии очень уязвимая окружающая среда. В более теплых странах, где когда-то применялось химическое оружие, чтобы извести джунгли и выгнать из-под их сени партизан, пятьдесят лет спустя джунгли выросли заново. В тундре же, если проехать по ней на гусеничном тракторе, а через десять лет вернуться на то же место, мох по-прежнему не будет расти на следах от тракторов. Поэтому охрана окружающей среды для финнов — не пустой звук. Всю первую половину XIX века, например, там было запрещено строить паровые лесопилки, поскольку финляндский Сенат опасался, что если их разрешить, то в стране вырубят все леса. Кое-кто мог бы сказать, что финны принесли экономическую выгоду в жертву любви к родным березам. Березы, кстати, в Финляндии тоже отлично растут.

Похожесть Финляндии на Россию объясняет и интерес к ней жителей нашей страны, я бы сказал, непропорционально большой с учетом численности ее населения. Возможно, дело в том, что мы — соседи. Во всяком случае, когда я жил в Америке, никто ни разу не спросил меня, как так получилось, что Финляндия — беднейшая провинция Российской империи в начале XIX века — вдруг стала богатейшей страной не только мира, но и Европы к концу XX века. В России же мне задавали такой вопрос не один раз, причем не только жители Санкт-Петербурга, от которого до финской границы можно доехать на машине всего за два часа. Поэтому я и решил написать это эссе.

Каурисмяки снял первые сцены фильма «Ленинградское ковбой едут в Америку» даже не в городских трущобах, которые так ярко показываются в других его фильмах,

но в деревне. Критики Каурисмяки часто говорят, что он, мол, любит снимать самое дно. Но дно — неправильное слово, во всяком случае, в русском языке, где оно ярко эмоционально окрашено, спасибо Горькому. Правильное слово — основа — то, на чем все держится. Например, в Финляндии днем можно повсеместно увидеть чистые и опрятные улицы. Это не означает, однако, что по вечерам, когда тысячи финнов выходят из своих домов, чтобы купить и тут же выпить банку пива, никто из них под покровом ночи не бросает банку на землю в том же месте, где она была выпита.

Это означает, что ближе к утру, когда улицы еще укрыты предрассветными сумерками, на них выходят люди, из которых часть искренне любит эту работу, а часть — просто не может найти другую, и убирают весь мусор, накопившийся за прошедшие сутки. Этих людей часто ненавидят, потому что их машины, двигаясь задним ходом, противно предупредительно пищат, мешая сну тех, кто может себе позволить поспать подольше. Работа этих людей не слишком хорошо оплачивается. И она не слишком престижна, хотя городские менеджеры и пытаются повысить престиж такой работы, называя уборщиков «экологами». Однако благодаря этой работе улицы финских городов выглядят чистыми и опрятными. Люди, которые делают эту работу, находятся в самом основании финского общества. Хотя кое-кто мог бы сказать — на дне.

Кстати, мы неправильно переводим название праворадикальной финской политической партии, которую в России часто называют «Истинные финны». Хотя какая же она радикальная, если ее лидер Рийкка Пуурра сегодня занимает пост министра финансов, прежний лидер Юсси Халла-ахо председательствует в парламенте, а Тимо Соини, который создал эту партию, раньше был министром иностранных дел? Когда эта партия только появилась, американские журналисты перевели ее название как «True Finns», а русские последовали за американцами. Однако по-фински эта партия называется «perussuomalaiset», от слова «perus», что значит «основа». И голосуют за эту партию вовсе не те финны, которые считают себя «истинными», противопоставляя себя «ложным» финнам, переселившимся туда, например, из Афганистана.

Голосуют за эту партию те финны, кто считает себя основой финского общества, включая многих из тех, о ком Каурисмяки снимает свои фильмы и про которых можно сказать, что они находятся «на дне». Правда, сам Каурисмяки эту партию не поддерживает, наоборот, в недавнем интервью он назвал нынешнее правительство, с лидером этой партии в роли министра финансов, «худшим за всю историю Финляндии, начиная с провозглашения независимости в 1917 году». Впрочем, творец и не обязан придерживаться тех же политических взглядов, что и герои его творений, даже если они — реальные люди. В конце концов, Пушкин едва ли симпатизировал пугачевскому бунту.

«Ленинградские ковбои» из фильма Каурисмяки — родом из деревни. Воронежский бард Юрий Клиных, более известный как Юра Хой, дал таким людям путевку в вечность, назвав их «колхозными панками». Их лакированные штиблеты, какие они видели у музыкантов из консерватории, когда выезжали в большой город, но только с гротескно длинными носами, утопают в грязи свежеспаханных полей. Однако именно земля, порождающая эту грязь, дает им вдохновение, чтобы звучать самобытно даже тогда, когда они подражают английским и американским коллективам. Земля дает им силы продолжать, когда все вокруг, кроме Игоря, говорят, что их музыка нехороша. И земля дала Владимиру достаточно денег, чтобы все они смогли купить билеты до Нью-Йорка — города, с которого начинается их путешествие к успеху.

Многие люди путают модернизацию — процесс превращения бедных народов прошлого в процветающие современные нации — и индустриализацию. Мол, люди века-

ми копались в земле и стригли овец, оставаясь бедными и несовременными. Но когда они придумали соединить паровую машину и ткацкий станок — тут-то к ним и пришли богатство и современность. Это правда. Однако из этого не следует, что если все люди, кто сейчас работает в деревне, переедут в город и пойдут работать на завод, все они тут же разбогатеют. Скорее, им всем нечего будет есть, поскольку в деревне не останется никого, кто мог бы выращивать хлеб. Потому что сельское хозяйство — это основа, на которую опираются и промышленность, и сектор услуг, и информационное общество, и что там еще люди придумают за XXI век, если модернизация, как хочется верить, продолжится.

О Баррингтоне Муре и Теодоре Шанине. И немного о Михаиле Шолохове

Большинство книг о модернизации сосредоточиваются на жизни в городе. Мол, модернизация происходила именно в городах, а деревня всегда была отсталой, и те деревенские жители, кто не хотел более прозябать в этой отсталости, перебирались в города, что и доказывает изначальный тезис о том, что модернизация происходила именно в городах. Нельзя все же не обратить внимание на две книги, в которых говорится о модернизации, но основное внимание авторов уделено деревне. В этих книгах мало говорится о Финляндии, однако обе они сослужили мне неоценимую службу, когда я решил обобщить свои знания о пути, который пришлось пройти Финляндии, прежде чем стать процветающей и современной.

Первую из этих книг, вышедшую еще в 1960-х годах, ее автор Баррингтон Мур озаглавил «Социальные истоки диктатуры и демократии». Он обратил внимание на то, что все «великие» революции как на западе — в Англии, Франции и США, — так и на востоке — в Японии, Китае и Индии — победили еще тогда, когда подавляющее большинство населения этих стран проживало в деревне и занималось сельским хозяйством. Но по мере того как очевидцы этих событий уходили в мир иной и жители этих стран, наслаждаясь выгодами модернизации, ставшей возможной благодаря «великим» революциям, в своих знаниях о них начинали все более полагаться на книги, стало казаться, что они совершались, главным образом, в столицах и в других больших городах, где проживали самые прогрессивные люди того времени.

Создалось впечатление, что горожане, составляя меньшинство населения своих стран, смогли поспособствовать тем революционным преобразованиям, которые и заложили основу для будущей модернизации. Что же касается большинства, проживавшего в деревне, то об их отношении к революционным событиям книги давали лишь самые общие сведения. Одни книги, преимущественно марксистской ориентации, опирались на классовый подход; из них выходило, что подавляющее большинство крестьян, мол, приветствовало революцию, а подавляющее большинство землевладельцев ей противилось. Другие утверждали, что большинство сельских жителей, как крестьян, так и землевладельцев, придерживалось консервативных взглядов, а потому не участвовало активно в революционных событиях.

Мур же сумел ярко показать ту роль, которую сыграли в ходе «великих» революций жители деревни, включая и землевладельцев, и крестьян. Выяснилось, что у сельских жителей независимо от классовой принадлежности были очень разные политические взгляды, от которых зависело, какие роли они примеряли на себя в разгар революционных событий. Впрочем, о том, что часть аристократов сочувствовала революции, мы знали и ранее. Английская революция не смогла бы победить, если бы на ее

стороне не выступили вместе с городской буржуазией также и представители нового сельского дворянства — джентри. Список французских аристократов, активно способствовавших революции в своей стране, не исчерпывается Кондорсе и Монтескье. Крупными землевладельцами были и отцы-основатели США.

Однако собственные политические взгляды, как показал Мур, были и у крестьян. Это и неудивительно. Ведь «великие» революции потому и были так названы потомками, что они не просто вели к смене одних политиков на других, но в их горниле выковывалась новая система общественных отношений. А в обществе, где большинство населения были либо землевладельцами, либо крестьянами, это означало в первую очередь появление новой системы отношений между ними. Часть крестьян эти новые отношения приветствовала и содействовала революции в меру своих сил, в то время как другая часть отвергала перемены. Благодаря усилиям первых и вопреки сопротивлению вторых революции свершились, возникли новые системы отношений между землевладельцами и крестьянами, и со временем выяснилось, что они способствуют модернизации, причем как в деревне, так и в городе.

Но в разных странах роли, которые сыграли в революционных событиях землевладельцы и крестьяне, различались. В «великих» революциях в странах Запада — Англии, Франции и США — землевладельцы и крестьяне участвовали на равных. Поэтому революции там привели не только к появлению новых систем отношений между ними, поспособствовавших в дальнейшем модернизации, но и научили их прислушиваться друг к другу. Благодаря этому были заложены основы для формирования в этих странах либеральных демократий. В Индии, где землевладельцы и крестьяне добились провозглашения независимости совместными усилиями, они тем самым создали предпосылки не только для модернизации, но и для либеральной демократии.

В Японии, по мнению Мура, решающую роль в революции Мэйдзи сыграла определенная часть землевладельцев, в то время как крестьяне, в большинстве своем не имевшие собственных политических взглядов, участвовали в противостоянии на той стороне, на которой они оказались в силу обстоятельств. Такая «революция сверху» тоже смогла поспособствовать и созданию новой системы отношений между землевладельцами и крестьянами, и модернизации. Однако она привела к появлению не либеральной демократии, но японского фашизма. Случай Германии, где революция привела к объединению страны, возникновению новой системы отношений между землевладельцами и крестьянами и модернизации, но также и к возникновению нацизма, Мур детально не рассматривает, но представляет схожим с японским.

В Китае же, напротив, землевладельцы в разгар революционных событий сыграли пассивную роль. И крестьянская революция смела их как класс, наделив функцией единственного землевладельца государство, поставив страну таким образом на путь коммунистической модернизации. Случай России Мур также детально не рассматривает, но представляет его схожим с китайским. Причем и Мур, и другие американские ученые 1960-х годов, например, Самюэль Хантингтон, в те же годы опубликовавший свою книгу «Политический порядок в меняющихся обществах», симпатизируя западной модели, предполагающей одновременное возникновение предпосылок и для модернизации, и для появления либеральной демократии, признавали, что коммунистическая модель также способствует модернизации.

Вторая книга, которую я не могу здесь не упомянуть, вышла в Англии через двадцать лет после книги Мура. Ее автор Теодор Шанин родился в Вильнюсе перед Второй мировой войной, когда он был еще польским, в годы Великой Отечественной войны находился в ссылке на Алтае, избежав судьбы тех евреев, кто был убит в Литве,

когда туда вошли немецкие войска. Он успел пожить в советских Узбекистане и Литве, в социалистической Польше, а затем — в только что провозгласившем независимость Израиле. Однако когда он начал писать диссертацию в Англии, темой своего исследования он выбрал русское крестьянство. В 1980-х годах он опубликовал книгу «Революция как момент истины», в которой ярко показал роль крестьянства в русских революциях начала XX века.

После распада СССР Шанин переехал в Москву, где основал Московскую высшую школу социальных и экономических наук, сегодня неформально носящую его имя. Живя в России, он продолжил исследования крестьянского вопроса, в том числе опубликовав несколько работ в соавторстве с белорусским грекокатолическим священником Виктором Даниловым. Его главная книга о крестьянах и революции, переведенная в 1990-е годы на русский язык, прекрасно дополняет книгу Мура, который, признавая ведущую роль крестьян в русской революции, очерчивает ее лишь схематически. Перекликаясь с Муром, который охарактеризовал японскую революцию как «революцию сверху», Шанин назвал одну из глав своей книги «революция снизу», стремясь подчеркнуть революционную роль русского крестьянства.

Книга Шанина адресована тем, кто пребывает во власти заблуждения, что до революции крестьяне в России, мол, не имели собственных политических взглядов. А в революционное движение их, мол, втянула сельская интеллигенция, среди которой было множество социал-демократов. Шанин, напротив, обнаруживает среди русских крестьян не только многочисленные социальные группы, число которых существенно возрастает при движении из Центральной России к национальным окраинам, но и политические взгляды. По его мнению, именно собственные, а не навязанные сельской интеллигенцией взгляды заставили крестьян осознанно встать на ту или иную сторону во время революций. Впрочем, то, что у каждого крестьянина накануне русской революции была своя правда, задолго до Шанина было ярко показано Шолоховым, пусть и не в научной, а в художественной форме.

Книгу Шанина следовало бы прочитать и тем, кто полагает основным препятствием модернизации в дореволюционной России крестьянскую общину, которая, мол, мешала внедрению каких-либо инноваций в сельском хозяйстве. Шанин пишет, что община играла и положительную роль, служа моральным ограничителем для тех своих членов, у кого отсутствовал внутренний нравственный стержень. Переехав в город на заработки и избавившись от контроля со стороны общины, эти вчерашние крестьяне реализовали не свои лучшие способности, но свои худшие устремления. В результате история русских революций и Гражданской войны пестрит рассказами о событиях, подобных расправе Подтелкова над пленным Чернецовым, которая так удручила шолоховского Григория Мелехова.

Финляндия до провозглашения независимости была частью Российской империи, и революция с гражданской войной в этой стране случилась в то же время, что и в России. В результате этой революции сформировалась новая система взаимоотношений между землевладельцами и крестьянами, приведшая в итоге к модернизации. Скромные финны не называют свою революцию «великой». Если почитать финский учебник по истории, то складывается впечатление, что «великими» в Финляндии были лишь трудности, выпадавшие на долю финского народа и, как правило, приходившие извне. Например, огораживания, подобные тем, которые проводились в Англии начиная с XV века и которые в Финляндии начались в XVIII веке, называются здесь «великим переделом».

Кто был раньше — крестьяне или землевладельцы?

Революция меняет систему отношений между землевладельцами и крестьянами, создавая, если повезет, условия для модернизации. И чтобы понять революцию, нужно сначала разобраться с тем, кто до революции считался крестьянином, кто — землевладельцем и какими были отношения между ними. А то многие современные горожане представляют себе средневековое государство похожим на дачный кооператив, где вся земля поделена на примерно одинаковые участки, каждый из которых записан за конкретным человеком, который и является землевладельцем. При этом сам землевладелец на участке не работает, потому что участков меньше, чем желающих их иметь, и те, кому не досталось участка, вынуждены работать на чужих участках, отдавая землевладельцу часть урожая.

Это не так. Хотя бы потому, что участки — неодинаковые. Причем не только по размеру, но и по статусу. Хотя некоторые участки действительно закреплены за конкретными семьями аристократов. При этом сами аристократы не занимаются сельскохозяйственным трудом — это делают за них крестьяне, живущие на этой же земле. Такие крестьяне в Швеции, а вслед за ней — и в Финляндии, которая до наполеоновских войн находилась под властью Швеции, назывались фрельсовыми. Название это происходит от шведского слова «Frälse», которое означает «спасение». Аристократы спасали фрельсовых крестьян от голода, выделяя им участки земли, с которых те могли собирать урожай. Взамен крестьяне отдавали аристократам часть урожая в качестве оброка, а также исполняли барщину, работая в усадьбе.

Аристократы, однако, не были землевладельцами. Единственным землевладельцем в стране был король, который наделял землями аристократические семьи при условии выполнения ими трех условий. Во-первых, аристократ должен был происходить из знатного рода. В Финляндии аристократы были исключительно шведского происхождения, то есть финн не мог стать аристократом. Во-вторых, аристократ должен был присягнуть на верность своему королю. У бунтовщиков, нарушивших присягу, земля отнималась. В-третьих, аристократ должен был служить своему королю, либо на войне, либо при дворе, либо на государственной службе, а чаще — во всех этих местах попеременно. За службу, помимо права на землю, полагалось жалованье, а отказавшийся служить приравнивался к бунтовщикам.

Помимо земель, права на которые король раздавал аристократам, были и собственно королевские земли. Крестьяне, работавшие на землях короля, назывались, соответственно, коронными. За право работать на королевских землях коронные крестьяне должны были часть урожая отдавать королю. Однако король не мог сам ежегодно объезжать все свои земли, лично собирая оброк с коронных крестьян, поэтому свои земли он отдавал в управление тем же аристократам, которые и собирали оброк в пользу короля, к тому же это засчитывалось им за службу. Коронные крестьяне должны были также исполнять барщину. Теоретически она заключалась в общественных работах, вроде постройки дорог, однако на практике они выполняли те работы, которых от них требовали все те же помещики-управляющие.

Пока Швеция была католической, часть земель принадлежала церкви, когда же страна перешла в лютеранство, церковные земли также перешли в собственность короля. Однако священники не остались голодными: им были выделены участки, называемые бостелями. Естественно, сами священники на них не работали, а работали крестьяне, отдававшие за это священникам часть урожая и исполнявшие различные рабо-

ты в приходе. Если священник переводился на новую должность, ему выделялся новый бостель, соответствующий этой должности, а старый бостель передавался новому священнику вместе с крестьянами. Бостели выдавались не только священникам, но и другим служащим короля: капелланам, военным офицерам из незнатных семей, университетским профессорам, чиновникам.

Наконец, часть земли была закреплена за податными крестьянами. За это они должны были платить королю налоги и исполнять общественные работы. Однако размер этих налогов, а также сколько и каких работ они должны были исполнять, определялось теми же аристократами, которых король ставил управлять своими землями. И случалось, что королевские управляющие намеренно завышали размер подлежащих уплате налогов, чтобы крестьянин не смог заплатить; тогда его землю можно было присоединить к своему поместью, а его самого превратить во фрельсового крестьянина. Впрочем, королевские управляющие периодически обманывали не только податных крестьян, но и самого короля, отрезая часть королевских земель в пользу своих поместий и превращая коронных крестьян, живших на них, во фрельсовых.

В 1523 году Густав Ваза провозгласил независимость Швеции от Дании, а себя — королем Швеции. Чтобы не зависеть от прихоти аристократов, которые сегодня могли признать его королем и поддержать независимость, а завтра — вновь захотеть блистать при копенгагенском дворе и сместить его, Густав решил заручиться поддержкой и других сословий. Он решил созвать Риксдаг — еще не парламент (хотя современный шведский парламент также называется Риксдаг), но собрание по примеру древних тингов викингов, на котором представители всех сословий могли бы присягать на верность королю и где обсуждались и объявлялись бы королевские законы. Причем на Риксдаг были призваны представители четырех сословий: не только аристократии, духовенства и горожан, но и крестьян.

Предполагалось, что в крестьянскую палату будет прислано по одному представителю от каждого церковного прихода, которые будут избраны на приходском собрании выборщиков из их числа. Выборщики же должны были избираться на деревенских сходах, в которых участвовали главы крестьянских дворов из числа податных и коронных крестьян. Так король создал себе канал связи, благодаря которому он получал информацию, что кто-то из его управляющих пытается посягать на причитающийся ему оброк, присоединяя к своему имению часть королевских земель вместе с коронными крестьянами, или на причитающиеся ему же налоги, присоединяя к своему имению земли податных крестьян. А крестьяне получили возможность узнавать о новых налогах не от аристократов, которые могли и обмануть, а от самого короля.

Правда, появление палаты крестьян в Риксдаге не спасло Густава от крестьянских бунтов, наиболее страшный из которых в период его правления произошел в 1540-х годах. Зато когда крестьяне не бунтовали, они подчас становились ценными союзниками шведских королей в Риксдаге. Например, когда король Карл XI предложил заменить рекрутскую повинность системой индельты, которая предполагала, что два крестьянских двора будут кормить и предоставлять обмундирование одному пехотинцу, он сначала спросил мнение об этой реформе именно у крестьянской палаты Риксдага, и когда крестьяне поддержали реформу, остальные палаты уже не решились выступить против. Впрочем, военная реформа Карла XI не спасла его сына Карла XII от поражения в Северной войне с Россией Петра I.

Существование в Риксдаге крестьянской палаты прекрасно уживалось с тем фактом, что в некоторых частях Шведского королевства существовало крепостное право. Как не гарантировало оно и того, что крепостное право никогда не будет введено

в Швеции и даже в Финляндии. Впервые о крепостном праве в Швеции заговорили в годы Кальмарской унии, когда страна находилась под властью Дании. Блиставшим при копенгагенском дворе датским и шведским аристократам требовалось все больше денег, которые можно было раздобыть, усиливая поборы с крестьян. Крестьяне бежали, а аристократы усиливали давление на короля, требуя что-то с этим сделать. Однако Дания собралась ввести крепостное право лишь в XVI веке, когда Швеция уже разорвала с ней унию и провозгласила независимость.

При короле Густаве II Адольфе Швеция захватила часть немецких земель и Прибалтики, а также Ингерманландию. Крепостное право там на тот момент уже было, и шведский король не спешил его отменять. Более того, в экономическом плане вновь приобретенные земли были гораздо богаче, чем многие собственно шведские земли, не говоря уже о Финляндии. Шведское дворянство заговорило о том, что крепостное право — это прогрессивно и хорошо бы его ввести и в других частях королевства. Если бы шведские дворяне XVII века знали слово «модернизация», они бы сказали, что введение крепостного права ей способствует. Финляндию спасло то, что Ингерманландия после шведского завоевания обезлюдела, и королю понадобилось переселить часть крестьян из Финляндии туда, а вовсе не закрепостить их.

Нельзя сказать, однако, что отсутствие крепостного права, то есть права перехода от одного помещика к другому, делало шведских и финских крестьян свободными. Формально крестьянин мог уйти от помещика, но он должен был точно знать, куда он уходит. Можно было уйти в город, но только если какой-то из городских ремесленных цехов был готов принять вчерашнего крестьянина. Можно было поселиться на необрабатываемых королевских землях и умолять короля даровать права податного крестьянина или просить ближайшую общину коронных крестьян принять в свои ряды. Можно было перейти в бостельные крестьяне или к другому помещику, но только если у держателя бостеля или нового помещика не хватало рабочих рук. Но уйти в никуда было нельзя.

Принадлежность к любому сословию нужно было доказывать. Чтобы быть аристократом, нужно было иметь знатное происхождение. Чтобы быть священником, нужно было получить благословение епископа. Чтобы быть горожанином, нужно было попасть в бюргерские списки. Но это не значит, что все, кто не принадлежал ни к одному из трех перечисленных сословий — а таковых в Финляндии было подавляющее большинство, — автоматически записывались в крестьяне. Чтобы быть крестьянином, нужно было работать на земле, которая могла быть либо податной, либо коронной, либо помещичьей, либо бостельной. Кто не работал на земле, считался не крестьянином, а бродягой. А по закону наказанием за бродяжничество была тюрьма.

Говорят, что крепостное право приводит к снижению урожаев, а его отмена — к росту сельскохозяйственного производства. Может быть. Однако в Швеции и Финляндии XVII века, несмотря на отсутствие, формально, крепостного права, сельскохозяйственное производство снижалось на протяжении всего XVII века. Шведские короли Карл X Густав и Карл XI попытались компенсировать сокращающийся приток денег в казну, прирезав к королевским землям часть земель, находившихся в распоряжении аристократов. Тем более что дворянская кавалерия перестала играть в европейских войнах решающую роль, уступив ее состоявшей, главным образом, из наемников пехоте, для оплаты которой и требовалось увеличить размер королевских земель, из доходов с которых пополнялась казна.

Новая земельная реформа получила название редукации. Однако перераспределение земли между дворянами и королем не могло привести и не привело к увеличению

урожаев. К тому же в начале XVIII века Швеции пришлось уступить России наиболее плодородные земли в Прибалтике и Ингерманландии. В результате Швеция из экспортера зерна превратилась в его импортера. На протяжении всего XVIII века страна неоднократно пыталась вернуть себе земли, отошедшие к России по итогам Великой Северной войны, однако воинская удача всякий раз изменяла Швеции, заставляя терять все новые земли. Наконец в начале XIX века в результате очередной неудачной для Швеции войны с Россией она потеряла всю Финляндию.

Финляндские аристократы выбирают Россию

Интерес к Финляндии у российских читателей, о котором я писал выше, еще больше возрастет, если напомнить им, что в начале XIX века эта страна, выбирая между Швецией и Россией, выбрала именно Россию. А то среди российских читателей встречается слишком много пессимистов, которые верят, что Россия, мол, всегда отставала от ведущих стран Запада. И поэтому сделать выбор в пользу России могут только те, кто здесь родился, и то это будет выбор сердцем, но не разумом. Опыт Финляндии подвергает такие воззрения сомнению. Ведь в 1809 году финляндские аристократы, выбирая между шведским королем и русским императором, добровольно сделали выбор в пользу последнего. И представляется, что выбор этот был продиктован именно разумом, а не сердцем.

В марте 1809 года император Александр I, чьи войска к тому времени, как и в каждую русско-шведскую войну XVIII века, привычно захватили всю территорию Финляндии и начали угрожать уже собственно шведскому побережью, созвал Риксдаг Финляндии. По примеру Густава Ваза он пригласил глав аристократических родов, чьи поместья находились в Финляндии, глав епархий лютеранской церкви, действовавших на территории страны, представителей финляндских городов, а также по одному представителю от податных и коронных крестьян каждого церковного прихода Финляндии. В российской историографии финляндский Риксдаг известен как Сейм — по аналогии с польским Сеймом — ведь царство Польское в Российской империи было создано практически одновременно с Великим княжеством Финляндским.

Сейм созывался для того, во-первых, чтобы император объяснил жителям Финляндии, как они будут жить, если согласятся перейти к нему в подданство, во-вторых — если жители Финляндии согласятся, — чтобы жители Финляндии могли присягнуть на верность российскому императору, а в-третьих — после присяги, — чтобы жители Финляндии могли обсудить между собой, как им теперь с этим жить. Сейм был созван в городе Порвоо, а не в Турку, который считался центром Финляндского герцогства при шведском владычестве, но располагался слишком близко от Стокгольма, чтобы собираться там было безопасно — ведь Россия и Швеция все еще находились в состоянии войны. В историографию он вошел как Боргоский сейм — по шведскому названию города Порвоо.

Время созыва Сейма также было выбрано не случайно. 13 марта шведский граф Георг Адлерспарре с группой офицеров совершили военный переворот, арестовав короля Густава IV Адольфа. Для того чтобы шведы смогли присягнуть на верность новому королю, в Стокгольме должен был собраться новый Риксдаг. Одновременно в Порвоо созывался финляндский Сейм, на котором шведским аристократам предлагалось присягнуть на верность российскому императору, который становился одновременно великим князем Финляндским. Таким образом, жителям Финляндии не предлагалось изменить присяге, данной ранее шведскому королю; король был низложен, причем

самими шведами, а жителям Финляндии предлагалось выбрать, кому они хотят присягнуть: новому шведскому королю или собственному великому князю.

Выбор был трудным. Некоторые финляндские аристократические семьи на всякий случай даже послали двух представителей: одного — в Порвоо, второго — в Стокгольм. Но Сейм в Порвоо собрался раньше, чем Риксдаг в Стокгольме — уже 22 марта (по русскому стилю — десятого). 28 марта на нем выступил Александр I, пообещав сохранить все ранее действовавшие в Финляндии законы, а для провозглашения новых законов собирать Сейм и впредь. 29 марта шведский король Густав IV Адольф отрекся от престола. И в тот же день финляндский Сейм присягнул на верность российскому императору. А шведский Риксдаг присягнул на верность новому королю Карлу XIII только 10 мая. Представители финляндских аристократических семей, отправившиеся на всякий случай на это мероприятие, заблаговременно вернулись домой.

После отъезда императора заседания Сейма продолжались до июля — представителям финляндских сословий было что обсудить. И лишь в сентябре был подписан Фридрихгамский мирный договор, по которому Швеция признала Финляндию российской. Если бы у императора не было на руках решения Боргоского сейма, шведские дипломаты могли бы торговаться: например, предложить уступить Порвоо, но оставить за собой Турку. В конце концов, союз Александра I с Наполеоном, который помог России победить Швецию в этот раз, не был особо прочным, и возможности затягивать переговоры у российских дипломатов не было. Теперь же пришлось уступить все земли, чьи представители приехали на Боргоский сейм. Великое княжество Финляндское заняло свое место на политической карте Европы.

Скептически настроенные читатели могли бы сказать, что во время заседания Боргоского сейма территория Финляндии была занята русскими войсками. Поэтому у тех, кто собрался на заседание Боргоского сейма, мол, не было другого выхода, кроме как присягнуть на верность российскому императору, вне зависимости от того, что он там им пообещал в своей речи накануне. Однако другой выход у них был. Великое княжество Финляндское не зря регулярно сравнивают с царством Польским, а финляндский Риксдаг называют Сеймом — по аналогии с польским. В 1794 году, сразу после второго раздела Речи Посполитой, в польских землях началось восстание, вошедшее в историю под именем его лидера Тадеуша Костюшко. Восстание было подавлено, а бунтовщики среди польских аристократов наказаны.

В качестве наказания Екатерина II повелела арестовать земли тех дворянских родов, кто поддержал бунт или не присягнул на верность российской короне. Причем когда присяга была принесена, некоторым из них часть земель была возвращена. Можно предположить, что та же кара ждала бы и те финляндские аристократические семьи, кто отказался бы приехать на Боргоский сейм и присягнуть на верность Александру I. Так что эти семьи вполне могли и не посылать своих представителей на Сейм, а подождать заключения мира между Россией и Швецией. И уж тогда те, чьи земли отошли бы к России, могли бы решать, следует ли им, подобно крестьянам, перейти вместе с землей в российское подданство или же уехать в Швецию, где король наверняка наградил бы их за верность новыми землями.

Финляндские аристократы предпочли третий путь: не уподобляться крестьянам, но и не лишаться своих поместий. Прислав своих представителей на Боргоский сейм и сделав таким образом создание Великого княжества Финляндского следствием всенародного волеизъявления, они не лишились своих поместий, но и не поставили себя на одну доску с бостельными крестьянами, которые служат тому господину, которому выделяют их бостель. Напротив, прислав своих представителей на Сейм, они по-

ставили себя на одну доску с самим императором, который, понимая деликатность момента, согласился сначала дать свои обещания Сейму (на самом деле он просто ждал отречения шведского короля, которое должно было произойти со дня на день), а уж затем принять у него присягу.

Помимо кнута — конфискации поместий в случае несогласия присягнуть ему на верность — император предложил финляндским аристократам и пряник. Он предложил им право собственности на их поместья. Под властью Швеции дворяне должны были обязательно служить своему королю, а кто отказывался служить или чья служба королю не нравилась — лишался своих земель. Причем если решение отнять у дворянина земли принимал сам король — это было еще полбеды. Но иногда такие решения принимал и регент при несовершеннолетнем короле, то есть такой же дворянин, как и тот, у кого отнимались земли, а такое обращение не каждый аристократ был готов терпеть. Примером здесь может служить судьба Густава Армфельта — некогда фаворита шведского короля Густава III, которому пришлось начать новую жизнь после его гибели.

После убийства Густава III и восхождения на трон тринадцатилетнего Густава IV Адольфа власть в Стокгольме сосредоточилась в руках регента Густава Рейтерхольма, чья семья, как и семья Армфельтов, тоже располагалась поместьями в Финляндии. Рейтерхольм постарался удалить фаворита бывшего короля из Стокгольма, а тот в отместку составил заговор с целью изгнать уже Рейтерхольма, а регентом стать самому. Заговор был раскрыт, имущество Армфельта конфисковано, а самому ему был вынесен приговор. Армфельт отказался идти в тюрьму по приказанию незаконного, по его мнению, регента и бежал в Россию. Отсюда, возможно, в Швеции и пошли разговоры, что, мол, заговор против Рейтерхольма был составлен в пользу России, а Армфельт вовсе не радел за интересы Швеции, а был обычным предателем.

В Санкт-Петербурге, в отличие от, например, другого финляндского дворянина Георга Спренгпортена, который, будучи оппозиционером Густаву III, перешел на службу российским императорам еще при его жизни, Армфельт не получил должности при дворе. Однако Екатерина II и не выдала его в Швецию. Даже когда Рейтерхольм пригрозил расстроить обсуждавшуюся тогда возможную свадьбу внучки императрицы великой княжны Александры Павловны и несовершеннолетнего шведского короля, Екатерина II предпочла расстроить свадьбу, но не выдавать Армфельта. Так Армфельт остался жить в России как частное лицо, причем жил он не в Санкт-Петербурге, а в Калуге. А когда Густав IV Адольф стал совершеннолетним, он отменил приговор Армфельту, восстановил его в правах и пригласил вернуться в Швецию.

Время, проведенное в Санкт-Петербурге и в Калуге, не прошло для Армфельта даром. Вернувшись в Финляндию, он рассказывал другим финляндским аристократам не только о том, насколько двор в Санкт-Петербурге блистательнее двора в Стокгольме, но и насколько русская провинция — та же Калуга — богаче шведской провинции. Выше уже упоминалось, что к концу XVII века Швеция впала в затяжной экономический кризис, выразившийся в том, что из экспортера зерна страна превратилась в его импортера. К тому же кризис усугублялся бесконечными войнами с Россией, в которых последняя всегда выигрывала. И по экономическим показателям Россия в XVIII веке также намного обгоняла Швецию.

Если бы Армфельт знал слово «модернизация», то его рассказы вполне можно было бы свести к выводу, что Россия открывает для Финляндии гораздо больше возможностей в плане модернизации, чем Швеция. Несомненно, эти рассказы оказали влияние на позицию тех глав аристократических родов, кто в преддверии Боргоского сейма сомневался, следует ли туда ехать. Однако главная причина, почему финляндские ари-

стократы на Боргоском сейме сделали выбор в пользу России, заключалась в том, что им — в соответствии с дарованной Екатериной II российским дворянам еще в 1785 году Жалованной грамотой — больше не нужно было служить, чтобы продолжать распоряжаться своими поместьями. Отныне поместья переходили в собственность финляндских дворян, которые становились, таким образом, землевладельцами.

Огораживания по-фински

Положение крестьян после Боргоского сейма тоже изменилось, хотя произошло это не по причине того, что Финляндия стала частью России. Александр I обещал на Боргоском сейме ничего в Финляндии не менять, и поначалу имперские власти и не собирались ничего менять. И уж точно у Александра I не было планов вводить в Финляндии крепостное право, хотя в других частях России оно все еще существовало. Наоборот, Александр I сделал то, что не сделали ни шведские короли в XVII веке, когда эта земля входила в их королевство, ни Петр I и другие русские императоры в XVIII веке — на полвека раньше, чем это произошло в основной части России, было отменено крепостное право в Прибалтике.

Тогда же, когда финляндские аристократы превратились в землевладельцев, податные крестьяне превратились в собственников земли. Правда, они все равно были обязаны платить налоги, размер которых, теоретически, должен был устанавливать Сейм. Но поскольку Сейм после 1809 года почти полвека не собирался, то размер налогов устанавливал финляндский Сенат. Этот орган власти Великого княжества Финляндского объединял в себе функции исполнительной и судебной власти, ради чего он был поделен на экономическую и юридическую комиссию. В перерывах между сессиями Сейма Сенат выполнял также функции законодательной власти. Состоял Сенат из жителей Финляндии, однако его решения становились законными только после утверждения назначаемым из Санкт-Петербурга генерал-губернатором.

Регламент финляндского Сената написал сам Михаил Михайлович Сперанский — ближайший сподвижник Александра I до Отечественной войны 1812 года, попавший в опалу после окончания войны. По этому регламенту аристократы должны были составлять не более половины членов Сената, однако в этой части регламента никто не придерживался, так что в те почти полвека, пока Сейм не собирался, Сенат состоял практически полностью из аристократов. Тем более что если император назначал членом Сената представителя какого-нибудь другого сословия, то этот сенатор довольно скоро возводился в дворянство. При этом он, как правило, не увольнялся из Сената ради соблюдения предусмотренного регламентом баланса между сословиями.

Так что Сенат состоял по большей части из аристократов, и именно они решали, сколько налогов должны заплатить в казну, которую расходовал Сенат же по своему усмотрению, собственники податных земель. Сами же аристократы, ставшие в одночасье собственниками имений, пожалованных им прежде шведским королем, были освобождены от уплаты налогов: увеличивая налоги для податных крестьян, они не увеличивали автоматически налоги и для себя. Сенат же определял размер оброка, который должны вносить крестьяне, живущие и работающие на коронных землях. Эти земли, которые в Швеции считались собственностью короля, при переходе Финляндии под власть России стали считаться собственностью Великого княжества Финляндского; управлял и распоряжался доходами с этих земель также Сенат.

В своих поместьях аристократы сами устанавливали размеры взимаемого оброка, а также обязательную к исполнению барщину. На бостельных землях размеры взима-

емого оброка и обязательную к исполнению барщину устанавливали держатели бостелей. Единых правил, определявших размеры оброка и особенности барщины, не существовало, поскольку Финляндия — очень большая по площади страна. В разных ее частях особенности климата и почвы различаются, и установить единые оброк и барщину на всю страну означало бы уморить голодом крестьян на менее плодородных участках и сделать их жизнь на более плодородных участках слишком легкой. Морить голодом крестьян Сенат, состоящий, главным образом, из землевладельцев, не собирался. Как, впрочем, и облегчать им жизнь.

Чем ближе поместье находилось к Турку на юго-западе страны, где самый мягкий в Финляндии климат и самые плодородные почвы, тем меньшими по площади были поместья, тем большим был оброк и тем труднее была барщина. На юго-западе дворянин и с небольшого поместья получал достаточно средств, чтобы нести службу своему королю. Один крестьянин здесь мог собрать со своего надела большой урожай, чем в других частях страны, а значит, и отдать помещику он должен был больше. Наконец, в небольших поместьях крестьянин, даже если он жил не вблизи господской усадьбы, мог хоть каждый день приходить в усадьбу, чтобы исполнять барщину. Однако в огромных поместьях в других частях страны крестьянину требовалось несколько часов, чтобы дойти до усадьбы и исполнить барщину. Поэтому и призывали его в усадьбу нечасто.

Положение финляндских крестьян в XIX веке начало меняться не из-за перехода страны под власть России, а из-за того, что заработала земельная реформа, которую задолго до этого запланировали шведские власти, но осуществляться она начала лишь в XIX веке. Реформа получила название «великого передела» и была схожа с английскими огораживаниями, во всяком случае, по своим результатам. В Англии, как мы знаем благодаря Томасу Морю, огораживания привели к тому, что «овцы... стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей». Если бы Томас Мор жил в Финляндии в XIX веке, он мог бы написать, что людей начали поедать коровы. Автором реформы стал шведский ученый, землемер и чиновник Ян Фаггот, составивший в свое время первую кадастровую карту Шведского королевства, включая и Финляндию. Эта карта потом очень пригодилась шведским аристократам, когда они превратились в полноправных землевладельцев.

До реформы крестьяне на коронных землях жили общиной. Каждая семья, входившая в общину, обрабатывала несколько небольших по площади участков земли, подчас весьма удаленных друг от друга территориально. Один такой участок идеально подходил под распашку — там и была пашня, второй больше годился для устройства огорода и так далее. Однако из-за этого, особенно в тех районах страны, где небольшое число семей, чтобы прокормиться, должно было обрабатывать весьма обширные по площади участки земли, крестьяне были вынуждены тратить много времени на перемещение между участками, от чего страдал их урожай. Фаггот сумел убедить короля и Риксдаг, что если каждая семья получит один, но больший по площади земельный надел, то это поможет собрать в стране в целом больше зерна.

Реформа и вправду помогла увеличить количество собираемого в Финляндии зерна, однако воспользовалась этим уже не шведская казна, а финляндский Сенат. Увидев, что на коронных землях реформа дает реальную выгоду, аналогичные изменения на своих землях начали производить и помещики. Среди крестьян же реформа породила неравенство. И дело здесь было даже не в том, что одни финские крестьяне, получив личный надел, проявили свои лучшие качества, а другие, подобно переехавшим в город крестьянами из книги Шанина, лишившись контроля со стороны общи-

ны, поддались своим худшим устремлениям, хотя такое, конечно, тоже встречалось. Дело в том, что в результате «великого передела» один крестьянин получил кусок пашни, а другой — огорода.

Конечно, можно было работать по старинке, распахав часть бывшего огорода под пашню или, наоборот, устроив на части бывшей пашни огород. Однако на огороде, переделанном в пашню, плохо рос хлеб, а на пашне, переделанной в огород, — овощи. А кому-то из крестьян и вовсе достался участок в пойме реки, где вообще ничего хорошо не растет, кроме травы. И если такой крестьянин не собирался умирать с голоду, то он и начинал выращивать траву, меняя часть заготовленного сена у соседей на хлеб и овощи и постепенно откладывая на покупку второй коровы. Так среди крестьян волей-неволей возникла специализация, а значит, им пришлось научиться меняться. Меняться как самим, так и друг с другом.

Поначалу среди крестьян процветал натуральный обмен, однако со временем крестьяне начали продавать ту часть урожая, которую они не оставляли себе и которая не шла в оброк помещику, на рынке. Тем более что специализация возникла не только среди крестьян одной деревни, но и между деревнями, между церковными приходами и между целыми провинциями. Возникла своя специализация и у всего Велико-го княжества Финляндского. В 1830-е годы в поместье Вуойоки близ Пори провели первый эксперимент по устройству заливных лугов; эксперимент оказался настолько удачным, что вскоре заливные луга стали устраивать по всей стране, резко выросло поголовье молочных коров и постепенно Финляндия прославилась на всю Российскую империю своими молочными продуктами.

Тем более что сам Пушкин прославил финских молочниц, написав бессмертные строки: «С кувшином охтенка спешит». Постепенно внедрялись технические новинки: начиная с элементарных, но очень удобных решетчатых бортов для саней и телег, чтобы перевозить сено, до электрических сепараторов и пастеризаторов для молока, которые, правда, можно было использовать только там, куда было проведено электричество. Но главное — появилась возможность доставлять молочные продукты в Санкт-Петербург не только с Охты, но и из самой Финляндии. В результате у финских крестьян появились деньги. У некоторых. Некоторые же, напротив, лишились всего и вздыхали, перефразируя Томаса Мора, что коровы, мол, начали есть людей.

Еще больше, чем сами крестьяне, появлению у крестьян денег обрадовались землевладельцы. Постепенно на смену барщине и натуральному оброку пришел денежный оброк. Оказалось, что если не заставлять крестьянина каждый вечер приходить в имение колоть дрова и топить баню, то он заплатит больше денег, чем нужно, чтобы нанять специального мужика, который будет постоянно жить в имении, колоть дрова и топить баню. Таким образом, из крестьянина, который должен был платить оброк и исполнять барщину, крестьянин превратился в фермера-арендатора, за плату берущего у помещика в аренду участок земли. Такой участок по-шведски назывался «торп», а арендаторов, соответственно, стали называть торпарями.

Превращение крестьян в арендаторов сделало их более открытыми к экспериментам. В самом деле, если крестьянин каждый год в качестве оброка должен принести помещику мешок ржи, то он и будет сажать рожь. Потому что сажать, например, клубнику, потом ее продавать, покупать рожь и относить ее помещику — это слишком сложно. А вот если арендатор должен помещику в качестве арендной платы ежегодно отдавать определенную сумму денег, то можно попробовать и клубнику, если есть вероятность, что она принесет больше денег, чем рожь. Кстати, клубника в Финляндии отлично растет до сих пор. Выражаясь современным языком, произошла мо-

дернизация сельского хозяйства, благодаря которой его производительность к концу XIX века существенно выросла.

Одновременно выросло неравенство среди крестьян. Кто-то смог собрать достаточно денег, чтобы выкупить у помещика «свой» участок земли — ведь теперь поместья можно было продавать, хоть целиком, а хоть и частями — и начать называть этот участок своим без кавычек, перейдя из фрельсовых в податные крестьяне. А кто-то лишился своего участка земли и оказался вынужден наниматься в поместье — тем самым мужиком, который колет дрова и топит баню — или к другим более удачливым крестьянам, кому требовались рабочие руки. Постепенно среди крестьян начали складываться социальные группы, как в книге Шанина. А вскоре у крестьян появились и политические взгляды. У землевладельцев же они были и раньше. В общем, возникла типичная революционная ситуация. И революция не заставила себя ждать.

Почему финны не считают свою революцию «великой»

Теодор Шанин обращает внимание на то, что крестьяне не всегда бунтуют тогда, когда им нечего есть. Например, в 1860-х годах в Финляндии был голод из-за нескольких неурожайных лет подряд, а бунтов не было. В начале же XX века голода в Финляндии не было. А революционная ситуация возникла. В научной литературе чаще всего встречается мнение, что виной тому стала торпарская система. Может быть. Во всяком случае, к концу XIX века все больше финских крестьян сообразили, что взять у помещика участок земли в аренду — разумеется, если нет своего — это гораздо выгоднее, чем наниматься на работу за деньги к тому же помещику или к другому арендатору. Желающих взять участок в аренду стало больше, а значит, арендная плата выросла.

К тому же морской транспорт развился до такой степени, что зерно и мясо в Финляндию начали привозить с другого конца земли. Даже с учетом транспортных расходов эти зерно и мясо оказывались дешевле, чем произведенные в Финляндии. Арендаторам земельных участков приходилось снижать цены, и заплатить помещикам все возрастающую плату за аренду земли стало еще труднее. Получается, что финские крестьяне провели модернизацию сельскохозяйственного производства, значительно нарастили производство продуктов, а денег у них при этом стало меньше. Историк финской экономики Рита Хьерппе утверждает, что между 1860 и 1890 годами сельскохозяйственное производство в Финляндии выросло вдвое, но совокупная стоимость произведенных продуктов при этом даже снизилась.

В результате когда в основной части России началась первая русская революция, финские крестьяне тоже взбунтовались, хотя причины для недовольства у них были иные, нежели в прочих частях империи, где не было торпарской системы. Как и в основной части России, революция была подавлена, но в ее результате Николай II решил даровать своим подданным парламент. В России он получил название Государственной думы, в Финляндии его назвали «представительным собранием», по-фински — Эдускунта. В старом Сейме представители четырех сословий заседали отдельно и имели примерно равное представительство, хотя голос палаты аристократии все равно «весил» больше. Новая же Эдускунта стала однопалатной, и все жители страны получили равное право голосовать на выборах. Даже женщины.

Голосовать пошли и крестьяне, и землевладельцы. Те крестьяне, кто был недоволен ситуацией в стране, пошли голосовать за социал-демократическую партию. Те же, кто считал, что жить можно и так, пошли голосовать за аграрную партию. Землевладельцы же изначально делились на партии по национальному признаку. При

этом большинство землевладельцев в Финляндии были дворянами, а большинство дворян — кроме тех, кто получил дворянство при Российской империи — были шведами. И те из них, кто считал, что все хорошее, что есть в Финляндии, появилось здесь благодаря шведам, голосовали за шведскую партию. А те, кто считал, что при шведской власти в Финляндии не было ничего хорошего и что нужно поскорее выучить финский язык и забыть о шведских корнях, голосовали за финскую партию.

Позднее финская партия разделилась на старую и младофинскую: «старые» финны считали, что лютеранская вера — основа Финляндии, младофинны же утверждали, что чем скорее страна освободится от попов, тем лучше. Русской же партии, то есть партии тех, кто считал, что Финляндия многим обязана России, не сложилось. В этих условиях едва ли следовало ожидать, что император окажется доволен выбором финского народа. Он и не был. Впрочем, в основной части России император тоже не был доволен работой Государственной думы и часто ее распускал. В Финляндии же, где в десятилетие накануне 1917 года на выборах каждый раз побеждали социал-демократы, император тем более не был доволен работой Эдускунты. И распускал ее даже чаще, чем Государственную думу.

Впрочем, на новых выборах социал-демократы получали еще больше голосов. Представляется, что так происходило потому, что право голоса в Финляндии изначально имели женщины. Женщинам в начале XX века жилось труднее, чем мужчинам — им и сейчас труднее живется, — поэтому тогда они чаще голосовали за левые партии. Наделение женщин избирательными правами в Великобритании привело к власти лейбористов, которые до сих пор остаются одной из двух наиболее популярных партий в стране. В Финляндии же женщины привели к власти социал-демократов. Кое-кто мог бы сказать, что если бы в основной части России женщины имели право голосовать, то большевики победили бы на выборах в Учредительное собрание, и им не нужно было бы устраивать Октябрьскую революцию.

После Февральской революции в России Временное правительство первым делом потребовало от Финляндии провести новые выборы в Эдускунту. На них привычно победили социал-демократы. Когда же Октябрьская революция привела к власти в России большевиков, Эдускунта провозгласила независимость Финляндии, и Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным ее признал. Однако после этого социал-демократы в Эдускунте потребовали передачи всей власти Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, вышли из состава Эдускунты и захватили власть в Хельсинки, Тампере. Выборге и вообще на юге и востоке страны. Запад и север остались под властью Сената и оставшейся части Эдускунты, которые бежали из охваченного революцией Хельсинки в город Ваза на берегу Ботнического залива.

В отличие от России, в начавшейся вслед за этими событиями Гражданской войне в Финляндии победили белые. Эдускунта — все еще в усеченном составе, без социал-демократов — вернулась в Хельсинки, где первым делом приняла закон о земельной реформе: все арендаторы помещичьих земель получали право выкупить свои наделы, причем по кадастровой стоимости 1913 года — то есть сильно дешевле рыночной цены. За принятие этого закона ратовала аграрная партия, которая убедила партии землевладельцев согласиться с этим. Правда, землевладельцы выторговали поправки к закону, по которым выкуп запрещался тем арендаторам, которые арендовали не часть поместья, а все поместье целиком, а также тем, кто будет осужден за преступления, совершенные в месяцы Гражданской войны.

Целью любой крестьянской революции является изменение системы отношений между землевладельцами и крестьянами. Финская революция не стала здесь исклю-

чением. О значимости земельного вопроса для финской революции говорит хотя бы то, что закон о земельной реформе был принят Эдускунтой сразу после окончания Гражданской войны. Лишь после этого были объявлены новые выборы. На которых, кстати, опять победили социал-демократы, а аграрная партия финишировала второй. Вместе они смогли избрать первым президентом страны автора финляндской конституции Карла Столберга, противником которого на выборах был сам Карл Маннергейм — командующий белых войск в Гражданскую войну.

Также социал-демократы и аграрии совместными усилиями отменили поправку к закону о земельной реформе, запрещающую арендаторам, взявшим в аренду дворянские поместья целиком, выкупать их, оставляя аристократов безземельными. А ставший президентом Карл Столберг, понимая, что даже объединенных сил социал-демократов и аграриев в Эдускунте для этого будет недостаточно, личным указом амнистировал участников Гражданской войны, наделив их таким образом правом — как более невиновных — выкупить ранее взятые у помещиков в аренду участки земли. Так уже не некоторые, но многие финские крестьяне стали землевладельцами. Революция, которую финны до сих пор отказываются называть «великой», свершилась.

Революция не могла не оставить следов. Конечно, сразу после революции новый лидер социал-демократов Вяйне Таннер объявил, что его партия отныне отказывается от требования передать всю власть Советам, но будет бороться за власть в парламенте наравне с другими партиями. Однако это не значит, что все финские крестьяне, кто еще вчера симпатизировал красным, немедленно с этим согласились. Они продолжали собираться и говорить о том, что земельная реформа сделала землевладельцами многих крестьян, но не всех и даже не большинство и что в стране все не так хорошо, как об этом пишут в газетах. За это те финские крестьяне, кто симпатизировал белым, ловили их и били. Иногда — даже убивали. А суды, в которых заседали землевладельцы, в таких случаях редко обнаруживали достаточно улики, чтобы осудить убийц.

Популярным развлечением стало вывозить тех, кого подозревали в симпатиях к красным, на автомобилях — у финских крестьян, правда только у самых богатых, уже появились автомобили — к советской границе и пинками отправлять на ту сторону. Постепенно среди тех крестьян, кто был исполнен ненависти к красным, созрела мысль, что бить их нужно не по одному, а системно, с привлечением всей мощи репрессивного аппарата государства. Воодушевленные примером итальянских фашистов, они прошли маршами по улицам финских городов, требуя от «беззубого», по их мнению, финского государства срочно нарастить клыки. Но тут уже землевладельцы испугались, а поскольку именно они составляли большинство армейских офицеров, армия отказалась поддержать требования фашистов и разогнала их марши.

Неизвестно, когда потомки бывших красных и бывших белых в Финляндии примирились друг с другом. То ли в годы Второй мировой войны, а то ли уже после войны. А может, они и не примирились до сих пор. Ведь кто-то до сих пор время от времени пишет по-фински слово «мясник» красной краской на памятниках Маннергейму — командующему белых войск в Гражданскую войну. Но это необязательно потомки красных. Ведь войска Маннергейма убивали не только красных, но и тех, кто просто оказался в неправильном месте в неправильное время. Например, русских, потомков тех, кто переехал в Выборг еще при Петре I и кого едва ли можно было заподозрить в симпатиях к красным. Однако на то она и революция, чтобы вместе с революционерами и их оппонентами гибли невиновные и возвышались непричастные.

Сначала село кормит промышленность, потом — наоборот

А как же промышленность? — спросит проницательный читатель. Неужели же финны разбогатели и создали себе современное государство, выращивая клубнику и делая сыр? Конечно же, нет. Промышленное производство во всех странах приносит больше денег, чем сельское хозяйство, и Финляндия не является здесь исключением. И конечно, без появления промышленности Финляндия ни за что бы не стала богатейшей страной мира и Европы к концу XX века. Важно, что промышленность в стране появилась в условиях, когда у землевладельцев было достаточно денег, чтобы на них можно было построить промышленные предприятия, а у крестьян было достаточно денег, чтобы покупать товары, которые будут производить эти предприятия. Хотя здесь я, конечно, преувеличиваю. Денег никогда не бывает достаточно.

Если деньги есть только у землевладельцев, то промышленность может и не возникнуть. Например, у испанских землевладельцев благодаря серебряным рудникам Южной Америки денег было достаточно. Однако промышленность появилась в Англии, которой досталась лишь та часть Америки, где не было богатых залежей золота и серебра. Иногда промышленность может возникнуть даже там, где денег нет ни у землевладельцев, ни у крестьян. Например, благодаря иностранным инвестициям. Однако если у крестьян нет денег, чтобы покупать товары, производимые на фабриках, построенных на эти инвестиции, то инвестиции уходят так же быстро, как и приходят, о чем свидетельствуют многочисленные остовы заброшенных промышленных предприятий, украшающие пейзажи даже и тех стран, которые не знали ни коммунизма, ни его краха.

Финляндия же стала богатейшей страной мира и Европы раньше, чем в 1990-х годах там произошла либерализация и в страну пришли иностранные инвестиции. И промышленность там появилась исключительно за счет финских крестьян и землевладельцев. Иногда сами крестьяне создавали промышленные предприятия, например, Антти Альстрем, который основал стекольное производство, известное сегодня в Финляндии и за рубежом под торговой маркой «Иитала». Иногда промышленные производства создавали землевладельцы, например, Адольф Тернгрэн, унаследовавший от отца обширные земли, однако прославившийся в первую очередь как удачливый промышленник, построивший в Тампере множество предприятий легкой и тяжелой промышленности.

Часто промышленные предприятия строились на деньги финляндского Сената в XIX веке и правительства в XX веке. Например, шотландец Джеймс Финлейсон, построивший в том же Тампере первую ткацкую мануфактуру по английскому образцу, названную его именем, получил на это кредит от Сената. Деньги же Сенат получал главным образом из налогов, которые платили крестьяне и землевладельцы. Когда в XX веке Финляндия стала республикой и землевладельцы из числа аристократов утратили свои привилегии и были обязаны платить налоги наравне с крестьянами, индустриализация в стране пошла быстрее. И когда крестьяне выяснили, что электрический сепаратор много лучше механического и им потребовалось провести в свои хозяйства электричество, правительство построило для них электростанции.

Наконец, в Финляндии были и банки, которые с удовольствием предоставляли кредиты тем, кто хотел открыть промышленное производство. Правда, до либерализации 1980-х годов деятельность этих банков строго контролировалась Банком Фин-

ляндии. Однако когда Вильгельму Валфорссу, будущему основателю «Вяртсиля» — сегодня это крупнейший в мире производитель двигателей для морских судов, — понадобились деньги, чтобы купить текстильное предприятие в Турку — его первый самостоятельный бизнес, — он взял кредит в банке. У банков же деньги были главным образом благодаря землевладельцам, которые — поскольку денег никогда не бывает достаточно — охотно помещали полученные от арендаторов земли деньги на депозит под проценты.

Особенно быстро индустриализация в Финляндии пошла после Второй мировой войны. Проиграв войну, Финляндия была вынуждена платить репарации Советскому Союзу, который не хотел брать репарации клубникой и сыром. СССР были нужны промышленные товары: станки и тракторы. Причем станков и тракторов требовалось столько, что даже если бы правительство Финляндии потребовало от всех промышленных предприятий и от всех крестьянских хозяйств немедленно продать ему по фиксированной цене все имеющиеся в наличии станки и тракторы — а оно так и сделало, — этого бы все равно не хватило. Конечно, у Банка Финляндии было золото. И поскольку до войны Финляндия всегда выплачивала свои долги, то можно было занять еще у американских банков и купить на эти деньги недостающие станки и тракторы.

Однако правительство Финляндии решило, что раз уж все равно нужно опустошать запасы и влезать в долги, то лучше купить целые заводы по производству станков. Произведенные на них станки частично везли в СССР в качестве репараций, а частично — на вновь строящиеся заводы по производству тракторов. В свою очередь, трактора также частично были поставлены в СССР, а частично были куплены финскими крестьянами для модернизации своих хозяйств. Тем более что благодаря быстрой индустриализации многие вчерашние крестьяне перебрались в города и нанялись рабочими на модернизирующиеся старые промышленные предприятия — ведь на них все старые станки были в приказном порядке заменены на современные — и активно строящиеся новые. И оставшимся в деревне крестьянам понадобились трактора, чтобы в одиночку обрабатывать поля, на которых раньше работали десять человек.

Эпоха, когда большинство финнов были рабочими, продлилась недолго и захватила всего одно поколение. Поэтому в фильмах Каурисмяки, большинство из которых посвящены рабочему классу, так мало рабочих династий. Хотя Тайсто Касуринен, главный герой его фильма «Ариэль», в начале фильма работает на той же шахте, что и его отец. Причем его отец за годы работы успевает скопить на белый «кадиллак». Однако отец Тайсто не успевает даже выйти на пенсию, как шахта закрывается, из-за чего он кончает жизнь самоубийством. Дед Тайсто был крестьянином, однако сам Тайсто после смерти отца и потери работы на шахте не возвращается в деревню к сельскому труду, вместо этого постепенно скатываясь в криминал.

Лишь меньшинство финских рабочих, лишившихся работы, когда промышленные роботы заменили людей на заводах и фабриках, а сами заводы и фабрики из центров городов переехали в промышленные зоны на окраинах, ушли в криминал. Большинство нашло себя в быстро развивающемся секторе услуг. Однако лишь единицы вернулись в деревню. Наоборот, возникла опасность, что последние оставшиеся в деревне крестьяне со временем переберутся в город, финские поля останутся необработанными, а продукты питания придется завозить из-за рубежа. Иной читатель скажет, что это не беда, раз промышленность и быстро растущий сектор услуг давали Финляндии достаточно денег, чтобы купить любое количество продуктов. Однако финский президент Урхо Кекконен решил иначе.

Кекконен оставался президентом на протяжении четверти века — с 1956-го по 1981 год. Его политическая карьера оказалась столь долгой по множеству причин, среди которых важнейшей было то, что он был из аграрной партии. Финские крестьяне не забыли, какая именно партия избавила их от непосильных поборов землевладельцев и сделала хозяевами на своей земле, и всегда поддерживали аграрную партию. Даже после того как дети бывших крестьян, мечтавая заработать на белый «кадиллак», перебрались из города в деревню, и партию пришлось переименовать в центристскую, поскольку большинство ее сторонников больше не жило в деревне. А Кекконен, мечтавший оставаться президентом как можно дольше, стремился поддерживать крестьян.

Для этого Кекконен создал сельскую политику. Сельская политика — словосочетание, непривычное для русского уха, — это совсем не то же самое, что сельскохозяйственная политика. Целью последней является повышение производительности труда на селе. Чтобы в стране выращивалось все больше хлеба и клубники и производилось молоко и сыра. А вот целью сельской политики является создание комфортной жизни в деревне. Чтобы там было приятно не только работать, но и жить. И чтобы сельские жители уезжали в города не от отчаяния, но лишь потому, что видели в этом свое призвание. И чтобы городские жители, которые видели свое призвание в сельском хозяйстве, например в модном сегодня производстве органических продуктов, не боялись переезда в деревню.

Сельская политика Финляндии при Кекконене осуществлялась по двум направлениям. Во-первых, в деревне следовало создать то, что раньше было только в городе, в то время как деревенские жители были этого лишены. Например, библиотеки. Однако держать библиотекаря в каждой деревне невозможно. Даже если в бюджете хватит денег им на зарплату, во всей Финляндии не хватило бы людей, чтобы нанять столько библиотекарей. Так появились вахтовые библиотеки, открытые по понедельникам в одной деревне, по вторникам — в другой и так далее. Хоть они и работали всего один день в неделю, зато в них можно было заказать книгу из любой библиотеки по всей Финляндии, и ровно через неделю, когда библиотека открывалась вновь, книга доставлялась своему читателю. Сельские библиотеки в Финляндии до сих пор так работают, только каталог из бумажного стал электронным.

Во-вторых, финских крестьян следовало поддержать материально. Ведь благодаря внедрению более продуктивных сортов растений, ирригации, использованию минеральных удобрений и пестицидов, а также внедрению новых методов культивирования, в том числе механизации, резко увеличились урожаи в странах Азии и Латинской Америки, благодаря чему эти страны не только смогли отодвинуть от себя угрозу голода, но и начали активно экспортировать продовольствие на мировой рынок. Как и в конце XIX века, мировые цены на продовольствие резко упали, и финские крестьяне рисковали обеднеть. Однако государство за счет бюджета — в котором было много денег благодаря созданной после войны промышленности — начало скупать у крестьян продукты по более высоким ценам, чем в магазинах.

Третье направление сельской политики появилось уже после смерти Кекконена, когда финские крестьяне, также активно использовавшие минеральные удобрения и пестициды, начали представлять угрозу для окружающей среды. Ведь если промышленные предприятия сливают свои стоки в реки через одну трубу и достаточно поставить на этой трубе фильтр, чтобы минимизировать экологический ущерб, то с крестьянских полей дожди смывают удобрения и пестициды равномерно и нет такого места, где можно было бы поставить фильтр и предотвратить загрязнение. Поэтому тем финским крестьянам, кто использует меньше пестицидов и минеральных удобрений, начали выплачивать дополнительные деньги из бюджета.

В целом можно сказать, что сельская политика Кекконена, продолженная и после его смерти, удалась. Когда я жил в Хельсинки в начале нулевых, у меня был приятель, чьи родители жили в деревне и занимались сельским хозяйством. Однажды он взял меня с собой в деревню познакомиться со своей семьей. Потому что даже при наличии вахтовой библиотеки развлечений в деревне маловато — а тут целый русский, да еще и говорящий по-фински. Его родители очень гордились им; ведь они — простые крестьяне, а вот их сын окончил в Хельсинки университет. Но и он очень гордился ими; ведь он не сбежал из деревни от тягот сельской жизни, но отправился туда, где он видел свое призвание, и его родители, работая на земле, создали для этого основу.

И напоследок

Здесь хотелось бы закончить, потому что последние пятнадцать лет Финляндия не демонстрирует выдающихся экономических успехов. Легко было говорить про финское экономическое чудо двадцать лет назад, когда у каждого второго слушателя был сотовый телефон «Нокиа». Кстати, некоторые из телефонов, купленных тогда, прекрасно работают до сих пор. Сегодня же читатели, знакомые с экономической статистикой, могут возразить, что слухи про финское экономическое чудо сильно преувеличены, иначе непонятно, почему финская экономика за последние пятнадцать лет не выросла. Правда, сами финны на это отвечают, что не выросла она только в долларах, а вот в евро экономика Финляндии выросла в полтора раза, просто евро за последние пятнадцать лет упал, и тоже — вот ведь совпадение! — в полтора раза.

Было бы интересно понять, как это связано с тем, что Финляндия, присоединившись к Европейскому союзу, отказалась от собственной сельскохозяйственной политики, доверив брюссельским чиновникам решать, по каким правилам должны жить и работать финские крестьяне. Непонятно, довольны ли этим финские крестьяне. Вроде они не переключаются на тракторах шоссе, подобно испанским крестьянам. Зато они начали изменять центристской партии, которой были верны почти сто лет. Причем с той партией, которая так не нравится Кауризмаки и которую я тоже буду называть «Истинными финнами», коль скоро в России их повелось так называть. Видимо, слова лидеров этой партии, с которыми они обращаются к тем людям, кто находится в самой основе финского общества, находят отклик в сердце финских крестьян.

Однако цыплят мы посчитаем по осени. Пока же более важным представляется понять, что модернизация — это не замена сельского хозяйства на промышленное производство. И не переселение вчерашних крестьян из деревни в город. Модернизация — это в первую очередь модернизация сельского хозяйства. Чтобы крестьянин перестал балансировать на грани голода и повез излишки продуктов на рынок. Чтобы у него завелся наконец деньги. Потому что сначала сельское хозяйство кормит промышленность, и лишь потом — наоборот. Чтобы на эти деньги крестьянин провел на свою землю электричество, купил себе электрический сепаратор и заработал еще больше денег. Потому что иной путь — это ждать, пока электричество в деревню проведут большевики. Финские крестьяне в свое время так и не дождались, пока им проведут электричество большевики, пришлось самим.

А вслед за электричеством — провести в деревню газ, водопровод и канализацию. А затем — и Интернет. Чтобы постепенно деревенский быт перестал существенно отличаться от городского. Разве что библиотеки, которые в городе открыты каждый день, в деревне открываются лишь раз в неделю. Впрочем, при наличии Интернета библиотеку, открывающуюся лишь раз в неделю, можно пережить. А еще в деревенских

кафе редко подают лавандовый раф. Многие деревенские вообще до сих пор уверены, что РАФ — это старый микроавтобус, сделанный в советской еще Латвии. Подобно старым телефонам «Нокиа», некоторые такие микроавтобусы до сих пор живы и служат своим хозяевам в финских деревнях.

Опыт Финляндии показывает, что сделать крестьян богатыми за счет крестьянского труда — это правильный путь. Потому что труд крестьян — пусть при определении показателей валового национального продукта он и не играет сегодня важной роли — находится в основе всего остального. А опыт стран, которые, как пел Юрий Визбор, делают ракеты, в то время как их крестьяне не могут вырастить достаточно зерна, чтобы испечь хлеб для всех сотрудников конструкторских бюро, в которых делаются те самые ракеты, и зерно приходится импортировать, показывает, что такие страны разваливаются. Даже если большинство населения этих стран против. И даже если ракеты настолько хороши, что по старым чертежам их продолжают делать и полвека спустя.

Опыт Финляндии учит тому, что если какая-то страна хочет стать богатой и современной, она не должна смотреть на то, что богатые и современные страны делают сейчас. Нужно смотреть на то, что они делали в прошлом. В самом деле, бессмысленно, видя, как богатый покупает себе белый «кадиллак» — раз уж Каурусмяки в 1988 году именно его сделал символом богатства, пусть так и остается, — влезать в долги и покупать себе такой же, думая, что это принесет богатство. Правильнее будет узнать, что богатый делал до того, как разбогател. Правда, богатые часто преувеличивают и недоговаривают, если им задать этот вопрос напрямую. Так же и со странами. Не смотри, что богатые страны делают сейчас, смотри, что они делали раньше. А то можно, подобно шведским дворянам XVII века, подумать, что крепостное право способствует прогрессу.

А еще опыт Финляндии учит, что не нужно стесняться того, что все мы вышли из деревни. В первом ли поколении или в десятом — все мы оттуда. Пригласить заграничного приятеля познакомиться со своими родителями, которые живут в деревне и занимаются сельским хозяйством — трудно. Еще труднее пригласить своего деревенского отца жить к себе в город. Даже для финна. В 2014 году финский режиссер Доме Карукоски снял про это фильм «Ворчун». Кто не видел — обязательно нужно посмотреть. Хотя бы для того, чтобы увидеть, что городские всегда считают, что между ними и деревней — пропасть. Даже в современной Финляндии. Город — всегда современный, деревня — всегда на шаг позади. Финны смогли сделать так, чтобы деревня была позади только на один шаг. Но это легко потерять, если забыть, что лежит в основе всего.